

МЫ ПРИНЯЛИ ИСЛАМ

10 ИСТОРИЙ НОВЫХ МУСУЛЬМАН

Askimam.ru

ОСНОВАН В 2009

Содержание

		Стр.
1	За 29 лет до принятия ислама	3
2	Каждый рожден мусульманином	5
3	От «свободы» к Свободе	6
4	Из гангстеров в мусульмане	10
5	Логика и непредвзятость как путь к исламу	24
6	Я просто открыла Коран	29
7	Ото сна ко сну	31
8	От христианства к исламу	38
9	Мусульманское сердце	44
10	Лучший довод – Коран	49

За 29 лет до принятия ислама

Две недели путешествуя автостопом, я добрался до Джорджии. Выехав из штата Нью-Йорк, я уже побывал в Нью-Джерси, Южной Каролине и Флориде. Теперь на очереди был штат Теннесси, город Мемфис. Я уже мечтал, как буду проходить по мосту через Миссисипи.

Вдруг практически из ниоткуда прямо перед нами возникла какая-то тень. Водитель, находившийся на соседнем со мной сидении, мгновенно убрал ногу с педали газа. Но на тормоз не нажал ни он, ни несущийся нам навстречу автомобиль. На следующий день в местной газете под заголовком «Лоб в лоб» сообщалось, что какие-то пьяницы выехали на встречную полосу магистрали.

Врачи, осматривавшие меня в больнице, диагностировали перелом верхней челюсти, серьезное увечье нижней губы, девятнадцать выбитых зубов, вывих правой руки, глубокую дыру в правом колене. Но ни сотрясения мозга, ни психологического шока у меня не было.

Два Chevrolet столкнулись лоб в лоб с суммарной скоростью около 150 км/ч. Шансы на выживание были примерно такими же, как если б я прыгнул с шестого этажа высотки.

Хирург пытался как-то собрать мое вдребезги разбитое лицо, вслух интересуясь, как же я вообще раньше выглядел. Движением головы я смог ему указать, что мой паспорт – в разорванных джинсах. Некоторое время врач изучал поочередно то паспортную фотографию, то остатки моего лица, а затем пробормотал, что в конце концов через несколько лет я могу пройти пластическую операцию...

Потом, вводя мне морфий в первую больничную ночь, хирург потряс головой и с некоторой торжественностью сказал:

– Парень, из таких аварий живыми не выходят. Видно, Бог припас что-то для тебя.

Через 29 лет я понял, что это так.

Мурад Вильфрид Хофманн¹

¹ Из его книги «Путь к исламу. Дневник немецкого дипломата: 1951–2000» (Murad Wilfried Hofmann. Journey to Islam. Diary of a German Diplomat: 1951–2000. – UK: Islamic Foundation, 2002. – Pp. 5–6. – ISBN 0-86037-326-6).

Каждый рожден мусульманином

Моя родословная имеет глубокие американские корни. Предки с папиной стороны поселились в Вирджинии еще в 1609 году, а со стороны мамы были те, кто сражался на стороне Вашингтона и Линкольна. Прадед был верховым курьером «Пони-экспресс».

До 16-летнего возраста я получала воспитание, которое обычно считают типично американским для среднего класса из Среднего Запада с протестантской верой. Я росла в Бэй-сити (штат Мичиган), относилась к Епископальной церкви, ходила в воскресную школу, пела в церковном хоре.

Но в 16 лет я открыла для себя Коран. В то время я посещала школьный журналистский кружок при Мичиганском университете, где повстречала учащихся из Ирака. Беседа с ними перешла на тему Корана, и я решила как-нибудь прочесть перевод этой книги. Спустя короткое время я открыла вечером данную книгу на первой ее главе:

Вся хвала Богу, Господу миров, Милостивому и Милосердному,
Царю Дня воздаяния! Тебе мы служим, Тебя просим о помощи.
Наставь нас на прямой путь – путь облагодетельствованных Тобой, а не гневящих и не заблудших!

Эти слова, простые и непосредственные, выражавшие те идеи, в которые я всегда верила, так впечатлили меня, что я тут же начала запоминать их. Они по-настоящему привлекли меня к исламу. Наверное, это пример того, о чем говорил пророк Мухаммад: каждый рожден мусульманином, а иудеем или христианином человека делают родители.

С того времени моя жизнь была обращена в сторону Мекки.

Мишель Дженсен²

² Журнал Saudi Aramco World (ноябрь-декабрь 1974 г., стр. 30–39).

От «свободы» к Свободе

Насколько помню, я всегда верила в Бога. В детстве регулярно читала Библию, это длилось где-то до 14-15 летнего возраста. Свои религиозные убеждения держала при себе, так как боялась насмешек. Семья наша религиозностью не отличалась. Религия обсуждалась очень редко, да и то в негативном свете.

О сущности Христа, о том, человеческой он природы или божественной, я никогда не задумывалась. Меня больше интересовали его слова. Но при этом было ощущение, что по-настоящему следовать ему можно, только если оборвать все связи с обществом и стать монахиней. Мне казалось, что этого я сделать не могу, ведь хотелось семейной жизни, детей.

Постепенно стала предаваться обычным для подростков нашей страны увлечениям: поп-музыке, дискотекам и т. п. Религиозные же чувства все больше шли на спад.

В 18 лет я уехала из дома на обучение в Лондон, чтобы стать медсестрой. Там я встретила несколько арабских студентов-мусульман, пригласивших меня на их родину. Так я оказалась в Сирии. Не имея никакого представления ни об исламе, ни об исламской культуре, я была поначалу поражена, когда увидела женщин и мужчин в их странной одежде. Я думала, что и вести они должны себя по-странному, но к моему удивлению их поведение было приятно знакомым. Их почтительное отношение к образованию, семье и особенно религии поражало. Меня удивляла разница в отношении к религии у меня на родине, где в адрес религиозных людей сыпались насмешки, и в их стране. Здесь люди отличались гостеприимством, а их доброта, казалось, не знала границ.

По возвращении в Англию у меня было ощущение, что сердце мое осталось в мусульманской Сирии. Пребывание там прочно засело в моем уме,

и я стала интересоваться исламом. Одна пакистанская медсестра дала мне английский перевод Корана, который я стала читать в свободное время.

Не думала, что стану мусульманкой. Просто мне было очень-очень любопытно. С удовольствием стала читать Коран, и это стало поворотным моментом в моей жизни. Я тут же поняла, что это истина, то самое, что я видела в Библии, то самое, что говорил Иисус, но в более мощном и ясном виде. Помню, как задрожала и заплакала, когда поняла, что весь мой образ жизни ошибочен и что в руках у меня настоящее слово Бога. Хотелось сразу же последовать исламу, но я не знала как, не знала никого, кто мог бы мне помочь. Вокруг меня были немусульмане, и постепенно моя решимость сошла на нет, я вернулась к прежнему своему состоянию.

Пять лет я отбрасывала ислам на задворки своего сознания. Мне было слишком стыдно читать Коран и думать о Боге. Я знала, что в этом исцеление, но отказывалась его принять.

Но однажды со мной вдруг связалась одна из моих прежних сирийских подруг – и все воспоминания вернулись ко мне. Я обратилась к Богу, чтобы Он простил меня, не дал мне умереть в нынешнем моем состоянии, которое, как я боялась, приведет меня в ад.

Неделю спустя я прошла хирургическую операцию из-за внезапной болезни, от которой чуть не умерла. Я почувствовала, что Аллах подвел меня близко к смерти и дал мне второй шанс.

Я вступила в ислам, засвидетельствовав свою веру в Британской исламской миссии в Лондоне. После этого пару месяцев прожила у пакистанской семьи. Они познакомили меня с человеком, который впоследствии стал моим мужем. Так совпало, что он родом из той самой Сирии, которая впервые продемонстрировала мне ислам.

Мой совет тем, кто раздумывает о том, чтобы стать мусульманином, – не бойтесь принять такое решение. Отговаривает вас от него лишь Дьявол, ведь стоит вам сделать нужный шаг – и Аллах откроет вам все двери, и путь будет вам облегчен.

Я провела пять мучительных лет до того, как, наконец, приняла ислам. Слава Богу, дальше путь был облегчен. Многие не могут поверить, что англичанка бросает свою «свободу» и вступает в религию, «угнетающую» женщин. Хотя все ровно наоборот. В немусульманском обществе женщин рассматривают как объект похоти, их используют, унижают, на материнство смотрят как на нечто второстепенное по сравнению с заработком денег, разумными считают женщин, которые готовы на похотливые низости. В исламе же женщины находятся в большом почете, а укрывание их красоты приводит к тому, что мужчины относятся к ним по-человечески.

Материнство имеет столь высокий статус в исламе, что пророк Мухаммад (мир ему и Божье благословение) говорил:

Рай – под ногами матерей.

Никто из мусульманок не считает добывание денег более достойным в глазах Бога занятием по сравнению с заботой о детях. Образование мусульманок – как девочек, так и женщин – считается столь же важным, как образование мальчиков и мужчин.

Лично я чувствую, что ислам освободил меня от многих деспотичных моментов и вернул мне самоуважение. В Коране Бог говорит: если человек, будь он мужчиной или женщиной, делает добро и верит, он будет вознагражден Богом. Духовное равенство полов, рас, богатых и бедных – главное основание исламского братства. Лучше всех тот, кто наиболее праведен. Все мусульмане – братья и сестры друг другу. И связь веры может

быть по-настоящему прочнее родственных уз, если ваша семья – из числа немусульман.

Я мусульманка уже более девяти лет. Хвала Аллаху, у меня муж и четверо детей, и мы стараемся делать все возможное, чтобы вести исламский образ жизни. Связь между мной и супругом укрепляется тем фактом, что мы оба верим в Аллаха, думаем одинаково, стремимся к одному и тому же, наши мнения схожи.

В то время, как в мире царствуют разводы, мы чувствуем, что укреплены верой в Аллаха и можем противостоять многочисленным проблемам современности. Мы живем в эпоху, когда мир наводнили проблемы СПИДа, одиноких матерей, изъятия имущества по кредитным спорам, аборт. Следование исламскому образу жизни защищает вас от всего этого. На самом деле, ислам имеет все решения на все проблемы современного общества. Этой стране нужен ислам. Всему миру нужен ислам, ведь в нем руководство Бога, и Он один знает, как нам всем правильно жить. Хвала Аллаху!

Бинт Адам³

³ Из сборника «Почему женщины принимают ислам» Мухаммада Ханифа Шахида (Muhammad Haneef Shahid. *Why Women Are Accepting Islam*. – Darussalam Publishers, 2015. – ASIN B00TKFFOSY) со ссылкой на Muslim World League Journal на основании публикации в Saudi Gazette (28 апреля 2000 г., стр. 7).

Из гангстеров в мусульмане

Мартин Эскью был отчаянным рэкетиром восточного Лондона. Его семья – целая гангстерская династия. Наставником Мартина был кузен Ленни Маклин⁴ по прозвищу Босс – боксер, вышибала, бывавший в тюрьме преступник, телохранитель и головорез, известный как "самый суровый мужик Британии". Отец Мартина тоже слыл преступником, а мать была девушкой одного из бандитов, совершивших нашумевшее многомиллионное ограбление Банка Америки в 1976 году. Отец отчима – крестный отец братьев Креев⁵. В общем, Мартин рос в мире Креев, Ронни Биггса и Чарльза Бронсона.

«Пока другие зарабатывали 25 фунтов, эти люди ездили на Lamborghini развлекаться в Сен-Тропе. Они были самыми харизматичными личностями Ист-Энда и лучше всех одевались», – рассказывал Мартин. – «Оборотной стороной было чрезвычайное насилие. Это было царство вендетты, погубившей множество жизней. Семьи на манер феодалов руководили "поместьями". Я жил в Хокстоне – одном из самых бандитских "поместий". В викторианском Лондоне бытовала поговорка: если бросишь невод в Хокстон, выудишь половину преступников мира. Об одной из местных улиц говорили, что в ее канализационные стоки складывали пойманных полицейских. В общем, район был известный».

Подростком Мартин любил вождение, но из-за малолетства в полной мере заняться им не мог. Зато у соседского парня постарше имелся сверкающий автомобиль. «Мне было четырнадцать, когда он позволил мне стать его шофером.

⁴ Ленни Маклин (1949–1998) считался неофициальным чемпионом мира по боксу в супертяжелом весе.

⁵ Рональд Крей и Реджинальд Крей (1933–1995 и 1933–2000) контролировали большую часть организованной преступности Лондона.

– Сделай что-нибудь, чтоб выглядеть постарше, – сказал он, – и можешь тогда возить меня.

Так я и поступил».

Мартин возил своего старшего друга по разным местам. Он подъезжал, куда ему говорили, а его товарищ медленно уходил вглубь, потом выбежал оттуда, запрыгивал на заднее сидение и давал указания:

– А теперь поехали, только не слишком быстро, не слишком быстро.

«Пока его не поймали, я даже не понимал сути этих поездок. Он совершал вооруженные ограбления, а я, получается, помогал ему скрываться».

Наследник

Мартин был гангстерским престолонаследником, одним из "крутых пацанов". «Никто ко мне даже не приближался. Я был крупным парнем под сто кило. Питался, трижды в день качался. Постоянно в костюмах Armani, дорогих туфлях. Всегда в шикарном виде. Гладко выбритый. Всегда с иголочки. Я был из "крутых пацанов". Посещал ночные клубы. Жил так, как показывают в фильмах о гангстерах из высшего круга. Я был опасен и легко взрывался.

– Да он крутой пацан! – говорили с восхищением мои сверстники.

– Парень, да ты ж теперь из крутых, – говорили подходившие ко мне люди.

Они стимулировали мое эго. Словно стоишь выше всех. Имеешь шикарные автомобили.

В общем, я говорю о том, что родился в гангстерской династии. Меня учили таким манерам, тому, как держать себя и быть таким человеком. Но все это в конечном счете было не для меня. Это был семейный бизнес.

Бизнес, в котором, как мне казалось, я могу преуспеть. Я хотел быть как мой отец, кузен Ленни и мои дяди.

Я всегда верил в Бога, но думал: "Ты можешь быть преступником и хорошим парнем одновременно. Можно быть хорошим парнем в плохом мире". Так было заведено в том обществе. Как у арабов во времена джахилии. Общество, где почитались brutальные мачо. Хотя сами люди, казалось бы, были хорошими».

Закон улицы

«Мой кузен Ленни Маклин часто говорил:

– Если не дерешься в Ист-Энде, ты никто и ничто.

В нашем районе жило много сильных парней. И нужно самому было стать мощным, чтобы поставить барьер между собой и теми, кто хотел "наехать" на тебя. Заработав себе репутацию, ты становился из "крутых". Пока ты в их числе, тебя ставили в один ряд с Боссом и мафиозными воротилами. Ты мог ходить, где хочешь, делать бизнес. А если не заработал себе репутацию, то о свободной жизни речи нет, другие будут "наезжать" на тебя. Так в большинстве городов, будь то Нью-Йорк, Марсель или Лондон. Закон улицы. Но было место и чести. Если ты давал слово, то жил и умирал с ним. Как у арабов во времена джахилии. Когда я спустя годы читал Коран и хадисы и видел подобные правила, я понимал их. Я мог жить по правилам. У нас они были. Например, ты не должен быть стукачом, доносчиком. Помню, мне было всего семь лет, я стоял у двери, когда пришел спецотряд полиции и спросил, есть ли такой-то человек в нашем доме. Даже тогда я не сказал им. Я учился тем правилам, которые царили в моем окружении».

Но Мартин был иным. Весьма умный, много читающий, он находился в поиске. «Я читал Ницше. Пробовал быть христианином. Но у меня была

большая-большая проблема с Троицей. Она не вписывалась». Однако в Хокстоне практически повсюду он находил и простую веру.

«Я был парнем улицы. В Ист-Энде люди говорили:

– Благослови тебя Бог, сынок. Не мог бы дать полтинник, дружище?

Так они и говорили: "Благослови тебя Бог". Возносили мольбу! Это были по-настоящему просто обычные люди, и они верили в Бога».

Как ни странно, тем, кто попытался отговорить Мартина от продолжения семейного бизнеса, стал его кузен Ленни Маклин по прозвищу Босс. «Он был моим кумиром. Самый суровый мужик Британии. И именно он отговаривал меня от преступного пути. Увидев, что я пишу, он сказал:

– Ты хорош в этом, парень. Ты можешь пойти другой дорогой. Сколько тебе сейчас?

– Двадцать, – ответил я.

– Ты что, хочешь, чтоб тебя пырнули ножом в двадцать два? Или пристрелили в двадцать шесть? Хочешь ходить, оглядываясь по сторонам? Лежать в постели не в состоянии заснуть?

Он объяснил мне это теми словами, которые я мог понять. И это осталось в моей голове. Я видел, что он и сам ищет выход. В итоге он стал профессиональным актером, написал книгу, ставшую бестселлером.

Но тогда Ленни смотрел на свою жизнь и понимал, что его гангстерская репутация слишком велика, чтобы уйти от нее. Я не хотел такой судьбы. Если репутация такова, ты можешь стать кем угодно, но тебя всегда будут знать как бандита».

Реальность смерти

Поворотным моментом для Мартина стали убийство и трагедия.

«Я был с Полом, одним из лучших своих приятелей, и Джозефом, темнокожим товарищем, которого взял под свое крыло. Это сейчас в Ист-Энде кого только нет. Тогда было не так. Царил расизм. Я присматривал за Джозефом. Ему нравилось быть в моем окружении, ведь я был вроде как "крутым". Мы шли по окрестностям, когда какие-то парни-шотландцы начали кричать Джозефу: эй ты черный такой-то, эй ты негр сякой-то.

– Эй! Не говорите с ним так, – сказал я им.

– И что ты сделаешь? – спросили они.

– Отойди-ка, дружище, – сказал я Джозефу и повернулся к шотландцам: – Ну, давайте выясним отношения.

Это был Ист-Энд. Тут люди стояли и смотрели на драку. Зверство, но в том была и честь для людей – проигравший говорил:

– Ладно, ты меня сделал.

Однако в этот раз пошло не так. Шотландцы выхватили ножи, и я понял, что они попытаются меня убить. Мы с приятелями отскочили за мусорный бак, и я сказал:

– Давайте-ка вооружимся.

Мы вернулись к шотландцам, и Пола ранили. Он умер за баком на руках у Джозефа.

На похороны Пола я ехал, следуя за машиной другого моего товарища. Тот свернул не туда, и мне пришлось делать крюк, чтобы нагнать его, но я лишь попал в пробку. Когда уже собирался разворачиваться, увидел, как впереди начал приземление вертолет. В результате мы медленно проезжаем через пробку и видим ужасное ДТП. Части тел. Кровь. Жуть. Уже проехав, я взглянул в зеркало заднего вида – и тут до меня дошло: это машина

моего приятеля. Это были мои друзья. Они все мертвы. Одно убийство и четыре смерти».

У Мартина произошел срыв, его госпитализировали. «Все это случилось в моем небольшом окружении, и я думал: "Все. Я следующий". Совсем не мог себя контролировать. Пришлось проходить лечение посттравматического расстройства. Попал в больницу с ветеранами Фолклендской войны.

Передо мной стояла смерть. Страшно было так умирать. Страшно, что вот ты здесь, но секунда – и тебя уже нет. Это дошло до моего сознания. В раннем возрасте я начал размышлять над тем, что и сам смертен.

Ментально ни на что новое способен не был, поэтому постепенно, оцепенелый от ужаса, стал погружаться в прежние грязные дела».

Пути выхода

«Я окунулся в наркотики, выпивку и гулянки, экстази, ночные клубы и многие другие способы как-то выйти из ситуации, справиться с ней. Ничто из этого не заполнило пустоту.

Тогда я перевел свои поиски в область литературы, искусства и духовных практик. Много раз пытался с чистого листа стать христианином. Это не срабатывало. Казалось бездушным.

Я посещал библейские собрания. Ходил по квартирам с друзьями, ставшими христианами. Был в обществе анонимных наркоманов. Посещал собрания анонимных алкоголиков. Читал дзен-литературу. Искал способ связаться с Богом.

Я всегда верил в Бога, но у меня никогда не было способа связи с Ним. Даже преступником я всегда помогал людям. Были случаи, когда я спасал жизни, мешал свершиться плохим событиям. Я всегда ударялся в

крайности, но не желал перейти черту, привести к чьей-то гибели. Я знал, что есть ответственность.

Тем временем произошло немало иных событий. Я потерял многих друзей в ужасных обстоятельствах: передозировки, убийства. В том мире постоянно происходит что-то жуткое и трагичное. И ты думаешь: "Я на очереди?" Мои собственные бесчинства дошли до крайностей. Я продолжал свое погружение.

Я ходил в спортзал. Качался. Следил за здоровьем. Тренировался. Но не тренировал другое умение – не реагировать на происходящее.

Пытался заняться актерским ремеслом, получил роль на телевидении. Чего только не пробовал в качестве выхода. Но в итоге все возвращалось: срывался в ярость, окунался в прежние свои привычки настолько, что начал просто губить себя. Я падал в бездну. Полгода принимал большие дозы кокаина. Пару раз чуть не умер от передозировки. Попадал в больницы. Я не хотел умирать вот так».

Ярость

Мартина обуревала ярость. Он не мог контролировать свое высокомерие и гнев.

«Меня не пустили в один клуб, и я тогда затеял драку:

– Да кем вы себя возомнили? – сказал я им и отделал пару вышибал. Просто побил их и пошел дальше.

Но они сообщили об этом по радиосвязи внутрь клуба – а это был массивный ночной клуб, – и за мною пришли сразу трое вышибал. Меня били и били, а я лежал на тротуаре полностью сломленный. Полностью потерянный. Они заломили мне руку и стали избивать до смерти. В своем сердце

я прокричал: "Боже! Пожалуйста, не дай мне умереть вот так", – и тогда последовала синяя вспышка, которая заполнила все.

Я лежал в больнице, восстанавливался. До того как-то раз встретил одну мусульманку в ночном клубе. Она стала моей женой. У нас был даже ребенок, но мы в итоге развелись. Она не соблюдала исламские нормы, но, когда я вышел из больницы, сказала:

– Слушай, тебе нужно прочитать Коран.

– О чем ты? – спросил я ее.

– Коран – это мусульманская библия.

– Я христианин. Оставь меня в покое.

– Ты? Христианин? Какой ты христианин? – сказала она мне».

Совершенная истина

«Я не хотел быть мусульманином. Я хотел вернуться к своей религии. Моей религией был криминал. Я торговал наркотиками. Воровал. Знал, что следовало отказаться от своего заработка, ведь понимал, что это плохо. Нужно помнить: все старшее поколение прекрасно знало, что поступает плохо, но делало то, что делало. Это была их профессия.

Однажды я пошел в книжный магазин, и первой книгой, которую увидел, был Коран в разделе "Религии". Я купил ту книгу, и, когда открыл ее, она по-настоящему стала менять вещи в моей жизни. Это было как совершенная истина. А я думал: "Я не могу это делать, ведь это против всего, что я вообще делаю". Однако медленно, но верно стал выполнять частично написанное, ведь по-настоящему поверил в это».

Управление гневом

Мартин стал читать перевод Корана, затем о жизни пророка Мухаммада (мир ему и благословение). Читая, он набрел на хадис:

– Дай мне совет, – обратился человек к пророку (мир ему).

– Не злись, – последовал ответ.

Человек неоднократно повторял свою просьбу, а пророк (мир ему) отвечал лишь одно:

– Не злись. (Бухари. Сахих. – Передано Абу Хурейрой)

«Одна эта фраза изменила мою жизнь. Всю мою взрослую жизнь мною управляла злость. "А как вообще не злиться?" – думал я. А пророк все повторял: "Не злись", – пока окружающие не стали думать, что только это он теперь и будет говорить.

Я страдал от жуткой тревожности. Во мне крылись ужасные страхи, о которых не мог по-настоящему говорить. Но когда злился и становился агрессивным, мои чувства менялись. Угрозы испарялись. Страхи исчезали. Я был в текущем моменте: здесь и сейчас. Это была чуть ли не духовная практика. Мне раньше нравились большие заварушки. Я чувствовал себя живым. Здесь и сейчас. Это была словно зависимость. Но все в итоге заканчивалось тем, что либо я оказывался под чьей-то ногой или пулей, либо сам делал то же самое по отношению к противнику.

Поэтому я полностью понял этот хадис. Я всегда вспоминал тот ночной эпизод, когда разозлился, а в итоге убили моего друга. Теперь я думал: "Если б я только знал этот хадис! Если б только не стал тогда реагировать!" Я разозлился, потому что те парни пошли мне наперекор в моем районе. "Они не знают, кто я такой!" Мое эго было раздуто. Я был под алкоголем и иными веществами. Был высокомерен. Хотел показать им, что они не

имеют права меня раздражать, ведь таковы правила. Знай я тогда этот хадис, я бы не разозлился.

Теперь я старался не злиться – и все изменилось. Я думал: вот это по мне. Один этот хадис стал счастьем для меня, изменил мои взгляды на жизнь. В итоге вместо разрушительной зависимости от заварушек я пристрастился к положительному качеству – не злиться».

Раскаяние

Мартин стал читать книги, посвященные хадисам. Он обнаружил преобразующую мощь ислама. Он читал сообщение о том, как Умар ибн Хаттаб (Божье ему довольство), великий сподвижник и второй халиф, до принятия ислама похоронил заживо собственную дочь. «Я читал, что он рыдал, когда вспоминал о случае, когда закапывал дочь, а она стирала землю с его лица. Такими невеждами были жители Мекки до ислама. У них было столько всего плохого, но через ислам и дверь раскаяния они стали прекрасными, потрясающими людьми».

Мартин пошел в мечеть на Баркинг-роуд и попросил об обращении в ислам. Он стал мусульманином и получил имя Мухаммад Салих.

«Я хотел делать зикр. Когда я приступил к зикру, это стало зависимостью. Когда стал молиться, это стало зависимостью. Я сменил все свои плохие зависимости на хорошие.

Но человек все равно может все это делать бездушно. И даже являясь мусульманином, он может дать злости взять верх. Знаете, злость – одна из самых опасных вещей. И я понимаю сейчас, почему пророк сказал то, что сказал. Многие мусульмане не понимают, насколько важен тот хадис.

Что я люблю в исламе, это то, что мне не нужны никакие посредники, я напрямую иду к Источнику. Мне нужен никто. Мне сказали, что я такой же достойный, как все остальные, – и это тронуло меня.

Прежде я спасал жизни людей. Моего друга убили, я гонялся за убийцами, а они убегали как труссы. Меня самого чуть не убили несколько раз. Но я всегда был каким-то образом защищен.

У меня была по-настоящему глубокая вера в Бога, но я не знал, как получить связь. Когда я стал изучать ислам, все стало на свои места. Аллах был с самого первого дня. Он ближе ко мне, чем яремная вена. Я понял, что шел по обучающей кривой, чтобы понять и получить эту связь. В своей жизни я и сейчас учусь. Я не знаю, кто по-настоящему праведен, а кто нет. По-настоящему могу знать лишь себя. Знаю свою способность на бесчинства. Был период, когда я в этом плане дошел до настоящих глубин».

Встреча

«Однажды, когда молился в мечети, почувствовал, что есть кто-то позади меня. Я повернулся и спросил:

– Все в порядке?

Передо мной был крупный темнокожий парень. Он смотрел на меня.

– Можно поговорить с тобой, брат? – спросил он, и я почуял дух уличных разборок.

– Мне нужно сделать сунна-намазы, – ответил я.

На меня нашло легкое раздражение, тот старый, прежний "я" пытался вернуться. Я пошел в конец мечети, а сам думал: "Не в мечети. Я не хочу никаких разборок в мечети. Нужно выйти из мечети".

У меня, похоже, были проблемы. Этот тип был огромен. Он подошел ко мне и сказал:

– Ты тот самый парень?

– Какой парень? – спросил я.

– Тот, что ходил в черном пальто Burberry и стоял там на улице.

– Да, это я. Теперь я мусульманин. Аллаху акбар!

От последних моих слов он заплакал. И тут я вспомнил...

В тот день я был у себя дома. Моя машина стояла на улице, а он и двое-трое его друзей пытались вскрыть ее, чтобы утащить магнитолу.

– Эй! – крикнул я, увидев их.

– Что ты сказал? – ответили они мне.

– Подождите там, – на меня нашла злость, и я добавил расистских ругательств.

– Что ты сказал?

– Подождите там, – повторил я.

Я вошел в ярость. Был готов его "уделать". Я погнался за ним, вооружившись большим ножом. Мы бежали по дороге. Но этот парень был по-настоящему быстр, и догнать его не удалось...

И вот теперь он имам этой мечети. Я подумал: "Аллах (субханаху ва таала) может свершить любое событие"».

Самоконтроль

«После принятия ислама я стал ходить по улице в тубетейке. Находился какой-нибудь человек, которого бы я внутри себя посчитал ничтожеством, и отпускал насмешки о моем внешнем виде. В прошлом я бы устроил ему кровавую баню. Теперь же я был оскорблен, но продолжал совершать зикр. Просто игнорировал это. Уходил с пониманием хадиса о том, что, если не реагируешь, тебя защищают ангелы.

То есть я думал об ангелах, том свете, о том, как пророк улыбался и шел дальше. Теперь он был моим героем. Раньше моими героями были мои дяди, кузены, но теперь я следовал пророку. Вносил эти древние учения в свое городское окружение, и они очищали меня от всех проблем. Мой внутренний мир стал идеальным местом.

– Ты берешь с собой оружие, когда выходишь из дома? – спросил меня как-то друг.

Я ответил, что нет. Ошеломленный, он уточнил:

– В смысле вообще больше ничего с собой не носишь?!

– Я ухожу с Богом в мире, прихожу домой в мире и имею хорошие намерения.

Я получил Величайшего Защитника. Мне не нужен был кусок металла. И это было настоящим преображением для такого, как я. Это меняло шаблонны, которые прежде себе прививал. На каждую молитву ходил в мечеть. В общем, внешне я был аскетом. Словно зашел в пузырь, отрешившись от окружения, читал Коран и хадисы. В таком окружении мне нужно было быть радикальным в своей религии, чтобы практиковать ее.

Я не уехал из Хокстона. Мой сын родился в Ист-Энде. Я старался практиковать ислам. Но каждый раз, как выходил на улицу, меня поджидали те, другие. Они хотели вернуть меня обратно. А все, что хотел я, – это выйти из дома, пойти в мечеть и вернуться домой.

Это превратилось в кошмар. Так больше продолжаться не могло. В конечном счете я взмолился: "Аллах, пожалуйста, выведи меня из этого места". И Аллах сделал это легким для меня. Я ушел в другую, лучшую обстановку, и там стало спокойнее. В мою дверь больше не стучали люди из старой жизни. Если б не практиковал веру, никогда бы оттуда не выбрался».

Искушение

Перед отъездом из Хокстона Мартин стал ходить к людям, которым прежде навредил.

«Я раскаивался, просил прощения у людей, которых видел на улице:

– Я хочу, чтобы ты простил мне то, что я тебе сделал, – говорил я.

Помню, как увидел парня, который совершил ужасное преступление. Его поступок был жутким. Он перешел черту. Дело было связано с изнасилованием. Его арестовали, отправили в тюрьму. Выйдя оттуда, он ушел из района. Но потом осмелился вернуться. Сделанное им было из разряда непροщаемого. И я поступил ужасно по отношению к нему. Вдребезги его расколотил и оставил в плохом состоянии.

Годы спустя я увидел его с дочерью на автобусной остановке и подошел к нему. Он был в ужасе. Боялся, что я нападу на него.

– Все в порядке, – сказал я, подойдя к нему. – Я ничего не собираюсь делать. Просто хочу попросить простить меня, если можешь.

Он заплакал.

– Я теперь мусульманин, – сказал я. – Хочу, чтобы ты простил мне то, что я сделал.

Он простил. Он рыдал.

Я видел мощь этой веры, если человек хочет меняться».⁶

⁶ Из книги «Поворот сердец» Майкла Сугича (Michael Sugich. Hearts Turn. – USA: TellTale Texts, 2019. – Pp. 25–34. – ISBN 978-0-9893640-0-3).

Логика и непредвзятость как путь к исламу

С тех пор как обрела способность к размышлению, я неизменно верила в существование единственного Создателя, от которого зависит все сущее. Хотя родители у меня буддисты, с 13-летнего возраста я постоянно молилась Создателю и, насколько помню, ежедневно просила Его о верном пути.

Но в школе училась я в окружении христиан, поэтому и соотносила себя с ними. К сожалению, мои познания об исламе были минимальны. Мне он представлялся диковинной религией, которая ограничена лишь горсткой неразвитых народов, живущих большей частью на Востоке, и которая предписывает крайне угнетающий образ жизни, особенно для женщин.

Мусульманки, полагала я, считаются недочеловеками – пассивными домашними рабами, которых часто бьют и принуждают соревноваться с другими женами своего супруга за его внимание, которое он может вовсе свести на нет, если захочет.

Такое мнение большей частью было основано на слухах, словах других людей, которые я принимала за чистую монету, и нескольких документальных фильмах об Иране и Саудовской Аравии, которые я увидела по телевизору.

Однако три года назад я поступила в институт и оказалась в окружении ряда студентов-мусульман разных национальностей. Что удивительно, даже для меня самой, меня тянуло к ним, появилась заинтересованность, стремление узнать и понять их религию. Я видела, что они выглядели удовлетворенными, и была весьма впечатлена их открытостью и теплотой ко мне и друг к другу. Но еще больше меня впечатлила их гордость религией, о которой у многих было негативное представление.

Постепенно я очаровывалась исламом. Узнавая о нем все больше, я в итоге прониклась к этой религии уважением бóльшим, чем даже по отношению к любимому тогда мною христианству. Меня поразило, насколько ошибочны были мои прежние представления. Особенно ошеломило то, какие грандиозные права, равенство и признание дает ислам женщинам. Поняла суть исламского образа жизни и правду о том, как у нас искажают представление о нем, когда говорят об «исламском фундаментализме».

Говорят, что любой, кто обладает способностью логически и непредвзято мыслить, распознает логичность и правду, когда встретится с ними. Именно это со мной и произошло.

Все в большей и большей степени на правду указывали прочитанные материалы, а также доказательства и явные указания. Все больше и больше я получала пищу для размышлений и тепло для моего сердца. Я хотела знать об исламе все. Уже ощущала свою принадлежность к его последователям. Что поразило меня больше всего, так это практичность ислама: чуть ли не в каждой грани жизни он раскрывал путь и урок. По Божьей милости я осознала изъяны христианской теологии и тех идей, которые прежде принимала безо всяких вопросов.

В полдень 4 августа 1994 г. в присутствии двадцати человек я произнесла свидетельство веры и стала мусульманкой. Никогда не забуду благодать того дня, и насколько изменилась моя жизнь всего за год. Меня часто спрашивают, что значит быть новообращенной, какие трудности мне приходится преодолевать. Хотя о данной теме мне говорить и не хочется, поскольку жалость не входит в число моих приоритетов, но все же приведу некоторые примеры того, через что я прошла.

Пока что самым трудным для меня временем был период до конца рамазана. Семейные споры возникали практически ежедневно. На меня обрушивали град ругательств, насмешек и угроз. Часто я заставляла свою

комнату в состоянии погрома, книги таинственно исчезали, а в адрес моих друзей и их родителей рассылались телефонные сообщения с ложью и клеветой.

Временами меня вообще запирали в доме и фактически оставляли без еды, поскольку специально подавали на стол свинину. До сих пор всю мою почту просматривают еще до того, как ее получу я. Денег на свои расходы больше не получаю, материально обеспечивать себя нужно теперь самостоятельно. Читать, беседовать с другими людьми приходится втайне. Тайком проходит и написание писем, а также посещение мечетей, исламских мероприятий. О частых визитах к подругам теперь нет и речи, ведь они, как считают родные, еще больше «промоют мне мозги».

Намазы совершать могу, лишь когда уверена, что никого нет рядом. Не могу выражать радость по поводу рамазана, не могу открыто праздновать его. Не могу поделиться своим счастьем по поводу того, что еще одна сестра надела хиджаб. Не могу поделиться тем новым, что узнала за день, а также тем, что услышала на исламском мероприятии. Постоянно приходится защищать мусульман и ислам, которых поливают грязью в СМИ, и бороться против стереотипов, которых мои родители упорно держатся.

Видеть на их лицах отвращение ко мне почти невыносимо. Теперь я не уверена в их чувствах ко мне. Постоянно беспокоюсь о том, сколько тревог им приношу. За весь месяц рамазан мама со мною не заговорила ни разу. Теперь раз за разом приходится слышать от нее слова о том, как я предала семью. Я умоляю ее, прошу, но все без толку. Мне снова и снова говорят, что совершенное мною не подлежит прощению и что мои родители стали бы изгоями, узнай о моем поступке кто из родственников и друзей.

Но я не говорю, что жизнь у меня теперь жалкая и несчастная. Сейчас я нахожусь в таком мире и удовлетворении, которых у меня не было никогда прежде. А обо всех перипетиях рассказываю, лишь чтобы показать:

многое из того, что люди принимают как само собой разумеющееся и особо не ценят, имеет немалую ценность для многих новообращенных, таких как я.

Если принять в расчет лишь эти трудности, может показаться, будто, став мусульманкой, ничего, кроме боли, я не приобрела. Но все равно наоборот. Ислам уже к этому моменту дал мне очень много, и трудно даже вообразить, насколько более чудесные блага ждут в раю.

В момент своего вступления в религию, хоть я и признала ислам в качестве истины, я даже не представляла, какие обширные внутренние изменения со мной произойдут. Даже сейчас поражаюсь, как много знаний я за это время приобрела, как ислам освещает мои мысли в каждый важный момент, какую ответственность я чувствую перед мусульманским обществом, и сколь в большей степени я становлюсь мусульманкой месяц от месяца.

Словно бы жизнь в исламе получает развитие, прогресс, и ислам освещает и охватывает каждую материальную и духовную составляющую человека.

Есть сообщение Абу Хурейры (да будет доволен им Аллах) о том, что пророк (мир ему и Божье благословение) передал такие слова Бога:

Мой раб продолжает приближаться ко Мне... и Я становлюсь его слухом, которым он слышит, зрением, которым он видит, рукой, которой хватает, ногами, которыми идет... (Бухари. Сахих)

Именно это я испытала на себе.

Примечательно то, что благодаря одной лишь религии я получила еще понимание человеческого поведения и общественного устройства, получила представление даже о геофизике с астрономией. По мере

взросления все яснее и яснее мне становится то, что ислам уже дал ответы на социальные и экономические проблемы нашего времени.

За прошедший год я получила весьма широкие исламские познания, изучила в подробностях аяты Священного Корана. И при этом ни разу мне не встретилось ничего, что вызвало бы у меня даже минутного сомнения в верности Корана и актуальности ислама для современного общества. Это единственная религия, в которой я полностью уверена и в которой все больше убеждаюсь день ото дня.

Кроме того, я поняла, кто я, стала увереннее в себе, сильнее как женщина и человек из «национальных меньшинств», лучше сознаю свое существование, чувствую себя спокойнее при столкновении с трудностями.

Если этой статьей я чего-то достигла, то надеюсь, что смогла дать представление о величии и милости Высшего Властителя, который делает возможным все. Бог говорит:

Это руководство Бога, посредством которого Он ведет прямым путем, кого пожелает. (Коран, 39:23)

Это большое благо, что я была включена в число тех, кто получил свет, чьему сердцу было суждено принять его.

Асия Абд⁷

⁷ Из сборника «Почему женщины принимают ислам» Мухаммада Ханифа Шахида (Muhammad Haneef Shahid. Why Women Are Accepting Islam. – Darussalam Publishers, 2015. – ASIN B00TKFFOSY) со ссылкой на Australian Islamic Review.

Я просто открыла Коран

В детстве мне нравилось ходить в воскресную школу. Помню, как пообещала себе прочесть Библию от корки до корки.

Прошли годы. Я вышла замуж, стала матерью двоих детей. И однажды решила пойти в церковь. Но там тепла из детства не почувствовала. Вокруг церкви разгоралось множество скандалов о монахинях, домашнем насилии и пр. Какой бы ни была причина, я не чувствовала, что это место похоже на прежнее. Оно не представлялось верным.

В детстве, когда я делала что-то не так или чувствовала потребность в Божьей помощи, я шла в ближайшую церковь и просила Бога помочь мне и простить меня. Теперь, уже взрослой, я опустилась на колени рядом с кроватью и прочла молитву к Господу. Так, как меня когда-то учил отец, я попросила Бога вести меня верной дорогой, простить мне мои грехи, помочь быть хорошей для других, поскольку веру я утратила и убеждения, что были во мне прежде, казались чем-то далеким.

На следующий день я решила пойти да купить Библию, прочесть ее от корки до корки. Так я оказалась в местном книжном магазине. Я взяла один из экземпляров Библии, имевшихся в продаже, но вместо того, чтобы напрямик пойти к кассе, стала листать и просматривать страницы. В какой-то момент я подняла глаза и увидела другую религиозную книгу под названием «Коран». Отложив Библию, я взяла Коран, открыла его и была поражена увидеть там имя Иисуса наряду с различными пророками, такими как Ной, Авраам, Моисей и Иосиф.

Меня потрясло осознание того факта, что мусульмане верят в тех же самых пророков, что и мы. В результате я купила Коран и понесла его домой. Начав читать эту книгу, я постепенно стала понимать, что наставление на верный путь, о котором я просила Бога прошлой ночью, находится прямо

в моих руках. С течением времени осознала, что послание Корана предназначено для всего человечества. И тогда я тут же приняла ислам.

Бог говорит в Священном Коране:

Сегодня Я довел до совершенства вашу религию... (Коран, 5:3)

...ниспослал Книгу с истиной в подтверждение того, что было до нее. (Коран, 3:3)

Как многим из нас известно, Новый Завет Библии был составлен лишь десятилетия спустя после ухода из этого мира Иисуса (мир ему). К тому же Библия в течение веков многократно переписывалась, и в результате нынешний ее вид значительно отличается от оригинала. Бог хочет, чтобы мы знали это, и указывает на данный факт в Коране.

Мне кажется, если кто хочет встать на верный путь, пусть обратится с мольбой, искренне попросит о Божьем наставлении, спасении и прощении – и, даст Бог, в ответ Всевышний направит вас к исламу.

Аиша Хассан (Жаклин Рут Пью)⁸

Что Я запретил вам, того сторонитесь. Что повелел, то делайте, насколько можете. Ваших предшественников погубили лишь чрезмерные расспросы и разногласия с пророками. (Навави. Сорок хадисов)

⁸ Из сборника «Почему женщины принимают ислам» Мухаммада Ханифа Шахида (Muhammad Haneef Shahid. Why Women Are Accepting Islam. – Darussalam Publishers, 2015. – ASIN B00TKFFOSY) со ссылкой на Muslim World League Journal на основании публикации в Riyadh Daily (14 августа 1998 г.).

Ото сна ко сну

На конференцию в Гамбию из соседней Гвинеи-Бисау приехал посетитель, пожелавший стать учеником шейха Мухаммада и последователем кадирийского тариката.

Необычно в посетителе было то, что он принадлежал к народу баланте, который веками яростно отвергал как христианство, так и ислам. Собственно, название народа говорит само за себя: на языке мандинка оно означает «отвергающие».

Поэтому сам факт того, что кто-то из баланте принял ислам, уже был весьма примечателен. Но на этом дело не заканчивалось. Еще более примечательным в посетителе было то, что он фактически в одиночку привел к исламу большую группу своих соплеменников. Очень большую...

Мне хотелось встретиться с человеком, который приводил традиционно строптивых, «отвергающих» людей к исламскому образу жизни. Среди них были те, кто ждал приезда шейха Мухаммада, и я стал строить планы, чтобы присоединиться к нему. Поездка в результате не состоялась, но шейх посоветовал мне приехать в Гамбию в январе следующего года.

Через-меня-найдешь-путь

Вот тогда в гамбийской столице я и повстречал Антонио Монтеро Фернандеса, которого теперь знали как муллу Абдуллу. Он выглядел как простой рабочий с мягким голосом, волевыми чертами лица, проседью в бороде и огрубевшими от строительной профессии руками. За его внешностью представителя рабочего класса скрывалась глубокая заводь духовности.

Родившийся в Гвинеи-Бисау 5 сентября 1958 года Антонио с детства проявлял признаки значительной набожности. «У меня было прочное чувство, что я призыву людей к Богу. Не знал лишь только, через какую религию».

В его округе у детей была игра, в которой они придумывали себе прозвища. Десятилетний Антонио выбрал себе имя Винда-богобате-сина, что в переводе с его языка означало Через-меня-найдешь-путь.

Ребенком он хотел быть врачом, подростком – священником, стал с большим рвением читать Библию. Но в семнадцать лет у него открылись глаза на бюрократизацию религии, и, разочаровавшись, он покинул христианскую церковь, продолжив при этом изучать Библию.

Сны

Затем он прошел через болезнь. Три месяца находился на грани смерти. «Если умру, – думал он, – не смогу исполнить то, для чего явился». И у него начались сны. Ночь за ночью он видел пророка Иисуса (мир ему):

Иисус (мир ему) брал меня за руку и вел к реке, причем это была река не из моей округи. Он говорил мне о добродетели, показывал прекрасные вещи.

«Сны были длинными. Приходя в себя, я понимал, что, увидь я ангела, тогда бы умер, но я видел посланника, а значит продолжу жить».

Антонио продолжал видеть яркие сны. За одну ночь могло быть целых семь сновидений. «Я никогда о них никому не рассказывал, за исключением одного мудреца, который сказал мне просто:

– Ты на верном пути».

Поправившись, Антонио продолжил свои поиски и открыл для себя бахаизм, который показался ему похожим на протестантизм, но ему говорили:

– Это нечто новое. Новая вера.

«Что ж, подумал я, стоит попробовать. Посетив собрание, я решил принять бахаитскую веру».

Бахаизм – нетрадиционный культ, появившийся в Персии в середине XIX века. Его тут же объявили ересью в Иране и во всем мусульманском мире. В других регионах он привлекал все больше и больше последователей своими мягкими и внешне незашоренными посланиями об универсальном братстве, единстве религии, пропаганде мира во всем мире, а также легкими и непритязательными религиозными обязанностями.

Тот факт, что новая «религия» не выглядела столь же догматичной, как более распространенные, представлялся манящим. Антонио изучил основы этого течения и начал его проповедовать. Такой призыв стал своего рода проводником его харизмы: он привел к бахаизму более 12 000 человек в Западной Африке. Но в конечном счете иллюзии рассеялись, раскрылись недостатки и эгоизм, которые пропитывали бахаитскую организацию. Он перестал быть проповедником, но некоторое время продолжать считать себя бахаитом.

В это время его внутренне направляла серия небесных снов. В 1993 году:

Я взошел на небо и был представлен трем Божьим пророкам: Иисусу, Моисею и Аврааму, мир им. Я пожал каждому из них руку, а затем увидел фигуру, сидящую выше. Взошел по лестнице – и обнаружил себя перед пророком Мухаммадом, мир ему и Божье благословение. Мы не говорили, а общались телепатически. Я увидел дверь за посланником, хотел пройти через нее, но после молчания пророк Мухаммад заговорил:

– Возвращайся, чтобы обучить своих детей и внуков.

Тогда я начал спускаться на землю, но так и не дошел.

«На момент сна моей дочери было пять лет. Проснувшись, я подумал: "Сколько ж времени пройдет, пока у меня появятся внуки!"»

Шло время. Следовали новые сны. В одном из них:

Я взошел на небеса, а там было написано по-арабски. Передо мной свесилась веревка, я взял ее в руки, и она перенесла меня в место, которого я никогда не видел, но понимал, что это Рио-де-Жанейро. Попытался спуститься в город, но не смог. Веревка перенесла меня в ЮАР, затем в Марокко. Я спустился в Марокко.

В реальной жизни Антонио частично повторил траекторию сна, посетив Бразилию, Португалию и, наконец, Марокко.

В 2006 году, спустя тринадцать лет после своего первого сна о Божьих пророках, у Антонио был еще один значительный и решающий сон:

Я обнаружил себя на вершине луны. Чувствовал: что-то сдерживает меня с огромной силой и сбрасывает на землю. Я падал с такой силой, что думал: "Если ударюсь о землю, распадусь на тысячу кусков". Затем сбавил скорость и приземлился на плечи могучего человека, который взял меня и поставил на землю.

Антонио оказался в тупике, достиг кризисной точки. В 2008 году в начале рамазана он поехал в Марокко в поисках ответов. Остановился у друга-мусульманина, с которым ранее встречался в Гвинее-Бисау. Присоединился к посту. Большую часть времени проводил в одиночестве и во сне. Пытался найти перевод Корана на португальский, но безуспешно. Тогда взялся за чтение испанского перевода. Ранее в Гвинее-Бисау он уже брал Коран и нашел в нем нечто прекрасное, но потом кто-то забрал у него книгу. Теперь он хотел увидеть ее вновь.

Его очень впечатлили следующие аяты:

Разве не видишь, как твой Господь растягивает тень? Если б Он захотел, сделал бы ее неподвижной. Но Мы сделали солнце ее

путеводителем. Затем постепенно сжимаем ее к Себе. (Коран, 25:45–46)

В поисках знамени

Он прочел перевод Корана. Это придало ему сил и сподвигло на то, чтобы уединиться в марокканском лесу для медитации. «Я очень долго медитировал. Из глаз постоянно текли слезы». Антонио был в состоянии замешательства. «На закате я поднял руки в мольбе и сказал:

– Боже, если для меня хорош ислам, наставь меня к нему! Если для меня хорош бахаизм, сохрани меня на нем!

Я просил Бога дать знамение той ночью или, если знамения не будет, принять мое решение. Вернувшись из леса, я совершил разговение и пошел спать, а во сне:

Пришел человек и убил юношу, который был моим спутником. Убийца при этом сказал:

– Мой господин собирается убить и тебя.

Пришел этот господин, и произошла борьба, а я поднял вверх глаза и увидел, что луна очень близка ко мне. Чем дольше я смотрел на нее, тем больше и больше становилось мое тело. Увидев это, мой противник сбежал».

Антонио проснулся с четким настроением и убежденностью. «Я сказал себе: "Ничто в этом мире не может помешать мне принять ислам"». На следующий день Антонио Монтеро Фернандес стал мусульманином. Он пошел к своему другу и объявил, что принял ислам.

С удивлением друг-мусульманин признался, что до их встречи он видел его во сне в белых мусульманских одеждах исполняющим мусульманскую молитву:

– Когда я вернулся в Гвинею-Бисау, – услышал Антонио от друга, – и пришел, чтобы увидеть тебя, обнаружил, что ты немусульманин. А теперь сегодня ты мне говоришь, что хочешь принять ислам!

И вот друг провел Антонио Монтеро Фернандеса (Винда-богобате-сина) через свидетельство веры к исламу. Антонио взял себе мусульманское имя Абдулла.

Три года он изучал Священный Коран, размышлял над его смыслом. Бросив все, он проводил время в Марокко, Мавритании и Сенегале. «Я оставил супругу и детей с Богом». Все это время он поминал Бога «много, много, очень много». А в Сенегале увидел сон:

Я увидел стопы. Много стоп. Потом увидел ноги. Затем – тела. Я видел народ баланте. Когда я смотрел на них, услышал призыв на мусульманскую молитву и понял, что мой народ примет ислам...

Посредством этого сна Абдулла убедился, что баланте духовно уже являются мусульманами. И тогда он решил призвать их к исламу. В Гвинею-Бисау он вернулся уже на следующий день и начал свой призыв.

«Я шел от деревне к деревне. Проводил по три месяца в одном селе, рассказывая своему народу об исламе. Я давал им свободу на обучение и самостоятельное постижение тайны». Двери были открыты для него, поскольку ранее он призвал тысячи людей к бахаизму. Теперь он возвращался к тем собраниям и говорил:

– Я дошел до завершающего послания. Это было постепенное продвижение.

«И они верили мне».

В самый первый день призыва к исламу «я встретил наяву того могучего человека из моего сна, на чьи плечи я опустился. Он был главой селения,

с которого я начал свой призыв к исламу». И в тот же день и глава, и 1 500 мужчин, женщин и детей его народа стали мусульманами. В течение трех дней ислам приняли 6 000 человек.

С тех пор ислам приняло 17 000 людей народа баланте. И все это посредством стараний простого строителя и вдохновенного учителя, который дал ответ на духовные стремления обычных людей своего народа. «Когда ислам принимала одна деревня, соседняя следовала за ней и вступала в веру». Было основано 20 мечетей.

В тот день, когда я сидел вместе с муллой Абдуллой, он рассказал мне, что только что к нему обратились двое старейшин, представляющих 9 000 человек, с просьбой осуществить призыв к исламу и в их адрес.

«В Гвинее-Бисау 400 000 человек народа баланте. Я верю, что каждый из моего народа может принять ислам. Но мы не делаем поспешных шагов».

Расставшись с муллой Абдуллой, я вдруг понял, что забыл спросить его, как он вообще пришел к кадирийскому тарикату и шейху Мухаммаду. Спустя месяцы я задал этот вопрос самому шейху Мухаммаду. Об ответе я мог бы догадаться и сам.

Он видел сон.⁹

⁹ Из книги «Поворот сердец» Майкла Сугича (Michael Sugich. Hearts Turn. – USA: TellTale Texts, 2019. – Pp. 241–246. – ISBN 978-0-9893640-0-3).

От христианства к исламу

Я выросла в обычной, не особенно религиозной, протестантской семье. Папа не испытывал никакого интереса к религии, но мама позаботилась о том, чтобы ее дети посещали воскресную школу и получили базовое христианское образование.

Я всегда верила в Бога. В подростковом периоде испытывала большую тягу к религии, при каждой возможности посещая местную церковь пятидесятников. Это укрепило мою веру в Бога. Поскольку религиозные принципы я принимала близко к сердцу, меня не привлекало то, чему стали предаваться мои сверстники: сигареты, спиртное, наркотики, бойфренды.

Хотя у меня никогда не было возражений в отношении моральных принципов церкви, в которую я ходила, у меня имелись сомнения в отношении доктрин данной церкви. Это меня смущало. Задолго до этого я слышала об Ахмаде Дидате, и меня тревожил вопрос о знамении Ионы. Если Мессия должен был остаться во чреве земли в течение трех дней и трех ночей (Евангелие по Матфею, 12:40), то почему ж библейский рассказ утверждает, что Христос умер после полудня в пятницу, а воскрес в воскресенье ранним утром? Ведь получают лишь две полных ночи и один полный день, но никак не три дня и три ночи. Почему все христиане празднуют Страстную Пятницу и Пасху в воскресенье, когда имеется такая вопиющая нестыковка? А ведь церковь, в которую я ходила, называет пасхальные события центральными в своей теологии. Если невразумительны даже они, то как можно верить всему остальному?

Это было одно из многих сомнений, которые одолевали меня. Старейшины церкви не могли дать на них ответа и говорили, что мне просто нужно верить и все. Такого подхода я принять не могла. Если даже их центральное положение разваливалось при внимательном рассмотрении, что вообще можно было построить на столь хлипком основании?

Где-то в этот период я уехала в Лондон для изучения арабского. Мне нравились языки, но хотелось чего-нибудь иного, при этом меня интересовал Ближний и Средний Восток, а арабский представлялся важным мировым языком из-за торговли, нефти и политики. Кроме того, в церкви я слышала множество просионистских высказываний и думала, что благодаря арабскому услышу и другую сторону.

Язык захватил меня, несмотря на то что оказался для меня весьма сложным, ведь я его проходила по интенсивной программе, в которой весь алфавит мы должны были выучить за первый урок, мне приходилось делать немало домашней работы и уже на второй день быть готовой к прочтению и заучиванию слов, изучению грамматики.

Понятно, что фоном для изучения языка стало получение представления об исламе, хотя впоследствии всю историю раннего ислама мне пришлось переучивать, ведь о ней нам рассказывали с позиций востоковедов. Одним из учителей был практикующий мусульманин, которому рассказы о своей религии доставляли удовольствие. Ученики же были готовы задать побольше отвлекающих вопросов, тем самым откладывая пугавшие нас языковые тесты на как можно более поздний срок.

Поначалу ислам интересовал меня лишь с академической точки зрения, но вскоре интерес стал приобретать все более личный характер. Помню свои религиозные дискуссии с одной любезной египтянкой, взгляды которой всегда были куда более логичными, чем изученные мною ранее церковные идеи.

Уехав на Рождество домой, я обнаружила, что поведение молодежи в церкви едва ли отличалось от действий нерелигиозных студентов, которых видела в колледже. Получалось, что единственными людьми, чья религия имела большое значение в их жизни, были практикующие мусульмане, с которыми я познакомилась.

Но и тогда у меня в голове царствовало представление, что ислам – это религия лишь для арабов, азиатов и африканцев. Я понятия не имела, что мусульмане есть и среди европейцев с американцами. Единственный человек в Британии, которого я знала в качестве принявшего ислам, был наполовину японцем, да и то его вступление в религию преследовало брачную цель.

Вскоре я начала узнавать, что есть англичане, становящиеся мусульманами, среди которых были и женщины, облачавшиеся в платок и прочие мусульманские атрибуты одежды, то есть в хиджаб.

Однажды, обуреваемая любопытством, я зашла в мечеть Риджентс-парка. Пройдя вверх по лестнице к женскому залу, я осторожно заглянула за дверь, где меня радушно поприветствовала добрая индианка. Она ответила на мои вопросы, но при этом никакого давления с ее стороны не было. Я попросила о встрече с кем-нибудь из уроженцев Запада, принявших ислам, поскольку уже всерьез думала об этой религии, но хотела услышать опыт других людей. В итоге меня представили американке, которая уделила мне время и ответила на многие мои вопросы.

А затем я уехала домой на пасхальные каникулы. Здесь я стала аккуратно прощупывать почву на предмет своего будущего решения. Одна подруга была заинтригована, но заметила, что цвет моей кожи несколько бледноват для мусульманки. Другие выказали поддержку, говоря:

– Если это тебе подходит, то вперед, а Бог позаботится о тебе.

Маме же поначалу эта идея не нравилась, но мы долго с ней разговаривали, у нее было множество вопросов, и она попросила принести ей книги, чтобы понять, куда ведет мой путь.

Во время пасхальных дней я не пошла в церковь ни в пятницу, ни в воскресенье утром. К тому времени мама поняла, что происходит, и на меня

было оказано мягкое давление, чтобы я ходила на вечернюю воскресную службу. Впрочем, там к пению псалмов я присоединяться отказалась и чувствовала отрешенность от всего происходившего.

На следующий день вернулась в Лондон, а в следующую пятницу направилась в мечеть для принятия ислама. К тому времени я дошла до точки, когда знала практически все, что может знать об исламе человек вне его, даже заучила первую главу Корана «Фатиха» («Открывающая») по совету знакомого, который видел, в какую сторону все движется. В тот день я почувствовала: либо возьму да приму ислам, либо уйду и забуду обо всем навсегда.

Трудно выделить что-то одно привлекшее меня к исламу: молитва с ее всесторонним и выразительным поклонением разумом, телом и душой Всемогущему Творцу, дисциплинированная практика поста в рамазан, воплощенные в хиджабе уважение и достоинство, универсальность этой международной веры, простое и при этом глубокое учение о единстве Бога... По мере того как я исследовала эти стороны моей новой веры, кусочки стали соединяться словно в пазле. Духовно я ощущала словно достигла естественного положения вещей.

Но нельзя сказать, что все было совсем безоблачно. После принятия ислама я почувствовала определенного рода усталость, поскольку в некоторых аспектах это решение стало самым сложным в моей жизни. Решение, конечно, верное, но не самое легкое. Многие, хотя и не все, мусульмане очень радушно отнеслись ко мне, но были и другие. К счастью, я повстречала людей, которые помогли мне разобраться и преодолеть такого рода трудности.

Если кто-то из читающих эти строки думает о принятии ислама, я бы посоветовала понять, что это значительный шаг, но его точно нужно взять да сделать, если уверены в нем. Окружающие могут по-разному

отреагировать на ваше решение. Будет и негативная реакция. Даже от мусульман, к сожалению. Но вас приятно удивят те позитивные отклики, которые вы получите. Большинство мусульман отнесутся к вам очень тепло, а ваши немусульманские товарищи, возможно, даже восхитятся вашим мужеством по отношению к своим убеждениям.

Мой собственный опыт показал мне, кто мой настоящий друг. Одни бросили меня словно горячий уголь, другие же удивились, проявили живой интерес, задали множество вопросов. Кто-то спрашивал, какое у меня теперь имя¹⁰, и хотел называть меня по-мусульмански, хотя я на этом не настаивала. Одна христианка спросила, верю ли я все еще в Бога.

– Конечно! – ответила я.

– Что ж, тогда все в порядке, – отреагировала она.

Вот уже десять лет я являюсь мусульманкой, слава Богу, я не могу даже представить, как можно жить иначе. На улице все еще ловлю на себя взгляды, слышу комментарии в свой адрес. Людям мой вид все еще кажется чуждым, и я получаю множество вопросов типа «как такая умная женщина, как ты, вступила в такую противную, деспотичную религию?».

Я стараюсь, как могу, все объяснить. И когда указываю, скажем, на пользу от мусульманской женской одежды или мудрость, кроющуюся за разделением между посторонними лицами противоположного пола, люди часто говорят, что в этом есть смысл.

Бывает, вижу с людьми, которые отдыхали в мусульманских странах и были весьма впечатлены исламом. Они приходят в восторг от возможности задать свои вопросы, выражают уважение к данной религии, а также раздражение своими недалекими, расистски настроенными соседями.

¹⁰ Смена имени при принятии ислама необязательна.

Быть мусульманкой в Британии – настоящее открытие: быстро понимаешь уровень предвзятости и расизма в обществе. Стоит надеть хиджаб – и тебя считают чужой, нередко именно так к тебе и относятся. Но хиджаб не мешал мне вести активную жизнь, учиться, писать статьи, водить машину, выезжать на природу с детьми, заниматься еженедельным шоппингом.

Сравнивая свою жизнь до и после вступления в ислам, понимаю, что приняла верное решение. Не всегда все легко: в каждом аспекте жизни бывают взлеты и падения, но вера дает каркас для моей жизни. Я чувствую принадлежность к великой традиции. У меня есть, во что верить. Это помогает мне видеть смысл в данном мире, который без веры был бы невыносимым хаосом.

Худа Хаттаб (Саманта Скотт)¹¹

Ислам основан на пяти принципах:

- свидетельстве, что есть лишь один Бог, а Мухаммад – Его посланник;
- совершении молитвы;
- выплате закята;
- исполнении хаджа;
- посте в месяц рамазан. (Навави. Сорок хадисов)

¹¹ Из сборника «Почему женщины принимают ислам» Мухаммада Ханифа Шахида (Muhammad Haneef Shahid. Why Women Are Accepting Islam. – Darussalam Publishers, 2015. – ASIN B00TKFFOSY) со ссылкой на Muslim World League Journal (том 26, июнь 1998 г.).

Мусульманское сердце

Не знаю, кем я была до того, как начала изучать религию. Хотя меня воспитывали христианкой, удовлетворенности церковными «учениями» у меня не было. А других религий я просто не знала. Даже не знала об их существовании.

Я чувствовала настоящую потребность в нахождении того, кто мой Создатель и в чем смысл моего существования и пребывания на Земле. Стала рассматривать различные христианские течения, но их было слишком много, и каждое заявляло, что оно единственно верное. Не найдя удовлетворительного ответа, обратилась к исследованию иных верований одного за другим: иудаизма, индуизма, буддизма.

Мой разум накрыл туман депрессии, в котором казалось, что все религии лишь миф подобно Санта-Клаусу и пасхальным зайцам. Меня посетила мысль об атеизме, и это испугало меня. Если нет Создателя, то и смысла в жизни никакого нет.

Казалось, скромность и забота, в которые я с детства приучена была верить, не давали плодов, а лишь приносили тягости. Мир не был ни скромным, ни заботливым. Надо мной смеялись за мой пуританский образ жизни.

Моими занятиями были написание текстов, книги, учеба. Я не могла последовать тому поведению, которое демонстрировали окружающие. Многие все еще пытались меня изменить, говоря, что «двадцатый век на дворе», «раскрепостись и получай удовольствие» и т. п.

Но до 1987 года мои дети, написание текстов и учеба были сутью моей жизни. Потом все переменялось. В тот год умер папа. Преданность, верность, чистота не помогли мне удержать в нем жизнь. Его состояние ухудшалось, а я ничем не могла ему помочь. После его ухода из этого мира я

почувствовала одиночество. Сердце наполнила печаль. Но это была моя личная печаль, которой я не могла поделиться с другими.

Я стала оглядываться на прожитую жизнь. Она была трудной, разочаровывающей и тяжелой. Единственная причина, по которой я чувствовала необходимость продолжать жить до естественного конца, состояла в том, что практически все изученные мною религии считали своевольное окончание жизни страшным, непростительным грехом.

Наконец, пробираясь через туннель печали, я осознала, что все ранее мною изученное практически не имело никакого смысла. И тогда со слезами искренности я обратилась с мольбой к «моему Создателю», кем бы Он ни был, чтобы Он направил меня на то, что является верным. Моя учеба дала мне знания о Нем, но сердце не могло Его найти. Я знала, что самостоятельно осуществить такие поиски не способна, и просила Божьей помощи.

На следующее утро я проснулась и включила телевизор, отчаянно пытаюсь заполнить разум какой-нибудь ерундой, чтобы отвлечься от настойчивых мыслей о религии и вере. На экране был Фил Донахью, известный ведущий ток-шоу, с супружеской парой: муж с иностранным акцентом говорил об исламе, а жена его была новообращенной. Меня не особо интересовало, что она скажет, поскольку знала множество женщин, обращавшихся в религии своих мужей. Мне это не нравилось, поскольку чувствовала, что вера должна исходить из собственных убеждений и отношений со своим Создателем. Но когда та женщина стала говорить, я увидела и почувствовала нечто совершенно иное. Она сидела в чрезвычайно скромной одежде с покрытой головой, но я в ней увидела лишь чистоту и красоту. Не важно, что нельзя было увидеть, как выглядит ее тело, волосы, – чистота и красота ощущались в ее глазах и голосе. Она казалась истинной мусульманкой, по-настоящему верящей в ислам.

Я подумала: приняли бы меня другие мусульмане, обратись я в ислам? Есть ли вообще на свете голубоглазые блондинки-мусульманки? Об этой новой религии я знала очень мало, но даже тогда что-то во мне стало меняться. Что-то влекло мое сердце прислушаться к словам, и даже то, что я лишь видела, заставляло меня сидеть и внимать. Моя депрессия испарилась. Внимание стало ясным как никогда.

В тот момент своей жизни я услышала об исламе. Если сейчас я рассматриваю религию как образ жизни, тогда она мне казалась лишь вероубеждением. Я мало помню, о чем именно говорили на том ток-шоу, но в душе росла убежденность: в отношении Корана, скромности в этом развращенном мире, верности мужей и отцов. Ничто из этого не походило на навязчивые религии, стремящиеся к манипуляции своими прихожанами. Все представлялось логичным, имеющим прямое отношение к реальности. Мне нравилось это. Я видела в этом смысл. Мне хотелось, чтобы я знала об этом раньше, когда только-только выросла. Я всегда старалась держать ум открытым, не судить знакомых за их поступки, но самой жить так, как они, я никогда не могла, хоть это и приводило к разрушению многих отношений. Теперь же перед моими глазами в мои уши проникали слова, которые соответствовали тому, как я думала, жила и верила. Теперь я знала название этому образу жизни – ислам!

Я жила в одиночестве в своем доме в небольшом южном городке. Книг об исламе в библиотеке не было. Все книги проходили проверку, и комитет утверждал лишь те, что проходили его цензуру. Но родилась и выросла я в Нью-Йорке, поэтому знала, как раздобыть информацию, которую другие не желали делать публичной.

Разузнав, что в городе есть мусульманин, женатый на христианке-методистке, я позвонила в методистскую церковь, и они дали мне координаты данной семьи. Я позвонила этому мусульманину, чтобы узнать, какой

перевод Корана лучше и где мне его добыть. Он дал мне информацию, и я заказала карманный экземпляр Корана. За два дня я его полностью прочла. Это стало настоящим упоением для меня. Точным попаданием в цель. Я вступила в ислам, а ислам вступил в меня.

Я словно «подсела» на ислам. До него никогда ничто меня так не увлекало. Мне хотелось еще и еще. Я позвонила в посольство Саудовской Аравии, находившееся в Вашингтоне, – и не прошло и недели, как мой почтовый ящик был полон прекрасных и ценных материалов. Я укрылась от всех в своем доме, закрыла двери, задернула шторы, отключила телефоны, не желая ни с кем говорить. Мне хотелось, чтобы ничто не отвлекало меня от обнаруженного сокровища. Я была в раю. Я была согласно со всем, что узнавала. Через слова и фразы я видела Путь, который не был ни старомодным, ни ошибочным. Наконец! Я обнаружила, что пожелания и повеления моего Создателя всегда сопровождали меня. Куда бы это меня ни привело, я была уверена: может, это и не будет принято другими, но для моего сердца это станет безбрежным простором.

Я верила, что Аллах направит мои шаги по выбранному Им направлению. Я вспомнила, как истово обратилась с мольбой и как Создатель ответил мне через ток-шоу, длившееся всего час из многих лет моей прошлой жизни.

Я расчистила место под книги, записи, молитвенные коврики и заказала все, что только могла. Получила еще один экземпляр Корана. Прекраснейшие слова заполняли этот толстый зелено-золотой томик на арабском с переводом его смысла на английский. Когда читала его от начала до конца, мне стали сниться мечети, другие страны – то, что никогда ранее не снилось. Это были яркие, особые образы. Я не понимала полностью, что все это значит, но в душу это привносило покой. Годы под диктатом других людей, говоривших, что верно, а что нет, не прошли бесследно. Я

всегда сомневалась в своих вероубеждениях. Теперь же сны были подтверждением, что Аллах наставил меня на ислам. Каждую ночь я читала и читала. Всего полностью не понимала, ведь других мусульман просто не знала и не с кем было поговорить, некого спросить. Но недавно обнаружила журнал «Исламские горизонты» с потрясающими материалами и информацией о различных службах, о существовании которых даже не подозревала.

Теперь я даже ношу платок. Хотя не могу сказать, что полностью знаю, как молиться, но я просто расстилаю на полу молитвенный коврик, укрываю голову и молюсь пять раз в день, повторяя слова из первой суры с надеждой, что Аллах примет мои старания без знания, пока я стараюсь всему научиться. Я надеюсь, что Аллах направит меня на верные способы, правила и молитвы, которые позволят мне жить и дышать полной грудью ради Него, развить по-настоящему исламский образ жизни. В чем я уверена, так это в том, что наконец нашла путь и нашла то, что всегда было частью меня, но, казалось, потерялось, – Мусульманское Сердце.

Жаклин Коузенс¹²

¹² Из сборника «Почему женщины принимают ислам» Мухаммада Ханифа Шахида (Muhammad Haneef Shahid. Why Women Are Accepting Islam. – Darussalam Publishers, 2015. – ASIN B00TKFFOSY) со ссылкой на журнал Islamic Horizons (январь-февраль 1997 г., № 1, стр. 46).

Лучший довод – Коран

Никто и представить не мог, чтобы я приняла такое решение. Еще пять лет назад даже в самых невероятных мыслях я не могла предвидеть такой поворот событий. Знавшие меня, не веря своим ушам, спрашивали:

– Терезита приняла ислам? Да что на нее нашло?

Мое решение явно расстроило родителей и родственников. Все они были католиками родом из Филиппин. Я потеряла практически всех своих друзей. Но Бог открыл мое сердце и дал мне осознать, что прежде я поклонялась ложному божеству. Обратного пути просто не было.

Начать рассказ моего обращения в ислам можно с того, что после 11 лет брака, завершившегося в 1992 году, моя жизнь покрылась мрачными тучами. Казалось, разваливалось все. Воспитывать в одиночку маленького сына непростая задача, и я часто просила о помощи своего Господа. Пыталась отвлечь себя общением с друзьями, проведением времени с сыном или просто занятостью работой, но чувство одиночества и утраты не покидало меня.

Тогда я встретила однажды афганскую семью, подружилась с ней. Большую часть своего свободного времени проводила вместе с ними, познакомилась с их культурой и изысканной кухней. Но наиболее интригующим для меня было их преданное поклонение Богу, их вера в Бога и Его посланника, пророка Мухаммада.

Будучи непреклонной христианкой, я яростно спорила с ними и говорила, что христианство – единственный путь к спасению, но они настаивали, что путем к вечному раю является ислам. Часами мы говорили о преимуществах одной религии перед другой и в конце таких дружеских дебатов чувствовали усталость и понимание того, что ничего мы словами не добились.

В конечном счете я решила изучить ислам для себя лично, понять суть религии, побудившую моих друзей к столь преданной вере. Раздобыв английский перевод Корана, я принялась за чтение. К своему удивлению я не могла оторваться. Читала и читала часами.

Коран оказался для меня простым, ясным и понятным. Я испытала головокружительное чувство подъема и обновления. Это было просто чудесно. Я словно ощущала Коран живым и обращающимся непосредственно ко мне. Чувствовала внутреннее изменение и знала, что все теперь будет иначе.

Несколько дней спустя я пошла к своим афганским друзьям с экземпляром Корана и рассказала им о своем намерении стать мусульманкой. Теперь-то я знаю, что первый столп ислама – обозначение веры в Бога и Его посланника, которое я тогда и исполнила, произнеся в присутствии той семьи: «Ля иляха илляллах, Мухаммад расулюллах» («Бог лишь один, а Мухаммад – Его посланник»). Они были так рады моему решению, что даже бабушка (как я ее называла) заплакала от счастья.

Что дальше? Я понятия не имела, как практиковать ислам. Мои афганские друзья жили от меня далеко, и учиться исламу у них было не очень удобно. В итоге я взяла телефонный справочник и стала искать мечеть, в которой могла бы получить больше информации, лучше вникнуть в религию. Мечеть с наличием исламской библиотеки нашлась – и я пошла туда. Библиотекарь помог мне найти книги, подходящие для новичка, и познакомил меня с мусульманкой, которая тоже была родом из Филиппин и которая терпеливо помогла мне разобраться с моими вопросами.

На смену моего первого экземпляра Корана пришел другой, в котором присутствовал не только английский, но и арабский текст. Я стала учиться молиться на английском, постепенно запоминая фразы из Корана на арабском. Потом я стала носить хиджаб (платок), изменила свою манеру

одеваться. Постепенно стала уделять внимание тому, что дозволено (халаль) в пище и что запрещено (харам).

Видя во мне изменения к лучшему, сын тоже произнес свидетельство веры и, слава Богу, старается быть хорошим мусульманином – лучшим, каким можно быть в девятилетнем возрасте. Мы стали участвовать в мероприятиях местной мечети, раздобыли больше исламских книг и материалов, которые стали изучать дома.

С тех пор я старалась донести суть ислама до как можно большего количества немусульман. Некоторые из них заинтересовались и даже приняли религию Истины.

Жизнь – беспрестанное путешествие для узнавания Бога, и завершается этот путь лишь со смертью. Мое же путешествие только началось.

Хадиджа (Терезита) Зафар (Вашингтон, США)¹³

¹³ Из сборника «Почему женщины принимают ислам» Мухаммада Ханифа Шахида (Muhammad Haneef Shahid. Why Women Are Accepting Islam. – Darussalam Publishers, 2015. – ASIN B00TKFFOSY) со ссылкой на Dawah Highlights Islamabad (том 9, № 6, июнь 1998 г., стр. 38–39).